

ДУХЪ
КАРАМЗИНА,
или
ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ

и
ЧУВСТВОВАНИЯ СЕГО ПИСАТЕЛЯ.

съ приваженіемъ

нѣкоторыхъ обзорѣній
и историческихъ характеровъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

въ типографіи Августа Семена,
при Императорской Медико-Хирург. Академіи.

~~~~~
1827.

Печаташи позволяешся съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Генваря 31 дня, 1827 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

Народъ Славянской, подобно всѣмъ
инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія
своего не зналъ выгódъ правленія благо-
устроеннаго, не терпѣлъ ни влaстели-
новъ, ни рабовъ въ землѣ своей, и ду-
малъ, что свобода дикая, неограничен-
ная, есть главное добро человѣка.

Славяне, грабя Имперію, гдѣ царство-
вала роскошь, узнали новыя удоволь-
ствія и потребности, которыя, огра-
ничивъ ихъ независимость, укрѣпили
между ними связь Гражданскую.

Храбрость, всегда знаменитое свой-
ство народное, можетъ ли въ людяхъ
ч. II.

полудикихъ основывающься на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая упреждаетъ благоденствіе Государствъ: хищность родила ее, корыстолюбіе питало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ нѣкоторое время должныствовали открытъ въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ.

Первая власть, которая родилась въ отечествѣ нашихъ дикихъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали Полководцевъ.

Въ шѣсѣйшихъ связяхъ общежитія Славяне узнали необходимость другой власти, которая примирала бы распри

гражданскаго корысполубія: для того назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменитѣйшіе Герои. Одни люди пользовались общею довѣренностію въ дѣлахъ войны и мира. — Исторія Славянъ подобна Исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благодѣтельному раздѣленію властей воинскихъ и гражданскихъ.

Гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія требуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикіе народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ.

Не зная выгодъ роскоши, которая сооружаетъ палаты и выдумываетъ бле-

спящія украшенія , древніе Славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждались дѣйствіемъ такъ называемыхъ Искусствъ Изящныхъ. Первая нужда людей есть пища и кровь, выпорая удовольствіе — и самые дикіе народы ищутъ его въ согласіи звуковъ, веселящихъ душу посредствомъ слуха. . . . .

Не только въ мирное время и въ опчи-зиѣ , но и въ набѣгахъ своихъ , въ виду многочисленныхъ враговъ , Славяне веселились , пѣли и забывали опасность. . . .

Нѣкоторыя народныя пѣсни Славянскія кажутся древними: также и старинныя припѣвы Русскихъ , въ коихъ величаются имена боговъ языческихъ и рѣки Дунай , любезнаго нашимъ предкамъ , ибо на берегахъ его искусились они нѣкогда въ воинскомъ счастьи. Вѣроятно, что сіи пѣсни , мирныя въ первобытномъ опечестѣ Венедовъ , еще не знавшихъ славы и побѣды, обратились въ воинскія , когда народъ ихъ приблизился къ

Имперіи и вспунилъ въ Дакію; вѣрояшно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляя уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія, и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею Исторіею Славянскою. Такъ вездѣ рождалось Спихотворство, изображая главныя склонности народныя.

Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большей части уединенныхъ, рождаетъ не только законы и правленіе, но и самую Вѣру, столь естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мірѣ, ни въ Исторіи не находимъ народа совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслию о

Силѣ Вышней , которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока , не отвращаемыхъ никакою мудростію человѣческою , — хранишь добрыхъ и наказывать тайныя злодѣйства. Сверхъ того Вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему однимъ образомъ , они сближаются сердцами и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для гражданскаго общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей , или вообще семейства.

Славяне въ VI вѣкѣ поклонялись *Творцу молніи*, Богу вселенныя. Величественное зрѣлище грозы , когда небо пылаетъ и невидимая рука бросаетъ , кажется , съ его свода быстрые огни на землю , должно было сильно поразить умъ человѣка естественнаго, живо представивъ ему образъ Существа вышняго,

и вселить въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священный , который былъ главнымъ чувствомъ Вѣръ языческихъ.

Грубый умъ людей непроевѣщенныхъ заблуждается во мракѣ идолопоклонства, и творить боговъ на всякомъ шагу , чтобы изяснять дѣйствія Природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь !

Разсѣянные по Европѣ , окруженные другими народами, и нерѣдко ими покоряемые, Славянскія племена утратили единство языка , и въ теченіе времени произошли разныя его нарѣчія.

Русское болѣе всѣхъ другихъ образовано , и менѣе всѣхъ другихъ смѣшано съ чужеземными словами. Побѣды , завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа Россійскаго, имѣли счастли-

вое дѣйствіе и на самый языкъ его , который , будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ Писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ , красотѣ и пріимчивости съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависить отъ судьбы Государства.

Предки наши (здѣсь говорится о первой азбукѣ , полученной Славянами отъ Грековъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ буквъ) были обязаны Христіанству не только лучшимъ понятіемъ о Творцѣ міра , лучшими правилами жизни , лучшею безъ сомнѣнія нравственностію , но и пользою самого благодѣтельнаго , самого чудеснаго изобрѣшенія людей : мудрой живописи мыслей — изобрѣшенія , которое , подобно ясной зарѣ , въ вѣкахъ мрачныхъ предвѣстило уже свѣтъ Наукъ и божественность разума.

Начало Россійской Исторіи представляеть намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе, и пребываютъ Государей опъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ: и разсѣянныя племена Славянскія основали Государство, которое граничитъ нынѣ съ древнею Дакіею и съ землями Сѣверной Америки, съ Швеціею и съ Китаемъ, соединяя въ предѣлахъ своихъ три части міра. Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество и не должны его спыдипься: опечесство наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года, обязано величіемъ своимъ счастливому введенію Монархической власти.

Сей Герой (*Олеѣ*), смиренный лѣтами, хотѣлъ уже пишины и наслаждался всеобщимъ миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ и повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его казалась попомству чудесною.

(Здѣсь упоминается обстоятельство кончины *Олеговой*, вѣроятно баснословное).

Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ опдаленнымъ потомкамъ.

Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины *Олеговой*: *Народъ стоналъ и проливалъ слезы*. Что можно сказать

сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Госу-
 даря умершаго? И такъ Олегъ не толь-
 ко ужасалъ враговъ: онъ былъ еще лю-
 бимъ своими подданными. Воины могли
 оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго
 предводителя, а народъ защитника. —
 Присоединивъ къ Державѣ своей лучшія и
 богатѣйшія страны нынѣшней Россіи,
 сей Князь былъ истиннымъ основате-
 лемъ ея величія. Рюрикъ владѣлъ отъ
 Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова
 до Бѣлоозера, устья Оки и города Ро-
 спова: Олегъ завоевалъ все отъ Смо-
 ленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, ка-
 жется, самыхъ горъ Карпатскихъ. Му-
 драстію правителя цвѣтупъ Государ-
 ства образованныя; то только сильная
 рука Героя основываетъ великія Импе-
 ріи и служитъ имъ надежною опорою въ
 ихъ опасной новости. Древняя Россія сла-
 вится не однимъ Героемъ: никто изъ
 нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ
 завоеваніяхъ, которыя утвердили ея бы-

тіе могутственое. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ Властипелемъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза Государспвенная не извиняють ли властполюбія Олегова? и права наслѣдспвенныя, еще не ушверженныя въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными? . . . Но кровь Аскольда и Дира оспалась пыпномъ его славы.

Все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлостъ Державы и властъ Государя, одаривъ его мать свойспвами души необыкновенной.

Ольга овладѣла корииломъ Государспва, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суещность земнаго величія. Тогда истинная Вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о плѣнностіи человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ Христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными Пастырями, и будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть Христіанкою, и сама отправилась въ столицу Имперіи и Вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. . . . .

Преданіе нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, Исторія *Мудрою*. Оп-